

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого Казакова*)

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Казаков, вы подтверждаете ваши показания на предварительном следствии?
Казаков. Подтверждаю.

Председательствующий Ульрих. Расскажите суду о вашей преступной деятельности.

Казаков. Мои преступления связаны, в частности, с убийством Вячеслава Рудольфовича Меньжинского. Моё отношение к Меньжинскому разделяется на два периода. Первый период до ноября 1933 года, когда я правильно лечил его и добился определенных результатов. Второй период, — когда я применил неправильный метод лечения. Это было после встречи с Левиным и после встречи с Ягодой. Меньжинский до моей встречи с ним был в тяжелом состоянии и около шести или семи месяцев не вставал с постели. Я был приглашен к тяжело больному. У него было наличие грудной жабы и одновременно принадлежал бронхитальной астме.

Электрокардиограмма показывала наличие тромбозов одной из ветвей венечных артерий.

После моего лечения в апреле 1932 г. Вячеслав Рудольфович встал и приступил к работе.

5 марта 1933 года я был снова приглашен к Меньжинскому и застал его в тяжелом состоянии: после перенесенного приступа у него был хрипло-серпоз, припадочные астмы сменялись припадками жабы. Мы тогда разослали с доктором Левиным по поводу оценки его состояния. И я был отстранен от лечения Меньжинского. С Левиным мы встретились в мае. Он высказал мне некоторое сочувствие по поводу отрицательного отношения ко мне группы врачей, с которыми я вел научную борьбу, и сказал, что зря я возмущаюсь к Меньжинским, что только из этого никакого не будет и на нем карьеры себе сделать невозможно. Потом он сказал: «Ну, как-нибудь в другой раз поговорим».

В июне я снова с ним встретился. Я узнал, что за это время был консилиум у Меньжинского, этот консилиум решил, что у Меньжинского хрипло-серпоз, и принял противопаралитическое лечение лизатами. Я начал лечить Меньжинского с 19 июня. В конце июля Меньжинский снова мог приступить к работе. Август, сентябрь мы провели вместе в Кисловодске. Меньжинский там был в хорошем состоянии. В октябре он уже приступил опять к работе.

В конце октября я встретился с доктором Левиным, и здесь уже произошёл откровенный разговор, тот, который вчера подтвердил доктор Левин. Он сказал мне: «Удивляюсь я вам, что вы так резко являетесь за восстановление здоровья Меньжинского. Напрасно вы его догнали к работе. Напрасно вы возитесь с этим живым трупом. Ведь этим вы только раздражаете Ягоду, и это вас и добро не принесёт». Тут я совершенно оторопел. Левин продолжал: «Поимте, что Меньжинский мещает Ягоде, и Ягода заинтересован в скорейшем устранении его. Предупреждаю вас, что если вы скажете Меньжинскому об этом, то Ягода вас, конечно, уничтожит, и вы не спрячетесь от Ягоды. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, ничего не забывает. Предупреждаю вас, что Ягода вас вызовет к себе».

6 ноября, — я твердо это помню, — за мною приехала машина с начальником Санцедии ОГПУ, с которым я всегда ездили, и неожиданно для меня доставили меня не в Шестые Горки, куда я обычно ездил, а на одну из Мещанских улиц в только что отремонтированный особняк. Войдя в этот одноэтажный особняк, мы в буквально смысле слова задохнулись. Тяжелый, душный запах. Ясно чувствовался запах сининдара, но был еще запах какого-то особого вещества. Члены семьи Меньжинского мне об этом так: 5 ноября, т. е. вчера, семья Меньжинского и его самого перевезли сюда, здесь была сделана полка, и постелью осенью зрелая женщина сохнет, то к правому было добавлено какое-то вещество, сининдар, способствующий высыханию. Надо сказать, что этот особняк обладает очень едким запахом. Мы, докторские люди, в буквально смысле слова задохнулись. Что же было с Меньжинским, страдающим бронхитальной астмой! Когда я вошел к Меньжинскому, я застал его в вынужденно сидячем положении, он с трудом мог говорить, совершенно отек за ночь. Я послушал легкие — вступили звонкие типично-астматические сухие хрипы, удлинённый выдох, дышит он крайне затрудненно. И я пошел валил его на ступи и вверху вынесли на балкон, сейчас же открыли все окна. Прежде, чем его вынести, я сделал ингаляцию, чтобы как-нибудь ослабить тяжелейший приступок бронхитальной астмы. Часа три я проделал Меньжинского на веранде. После этого мы его вынесли обратно. Я уехал домой. Дома вскоре раздались звонки. Мне было сказано, что говорят от Ягоды, простят меня туда приехать, за мною сейчас прибудет машина. Действительно, в скором времени за мною прибыла другая машина и меня доставили к первому подъезду. Я поднялся и встретил Ягоду, что он вчера на вечернем заседании суда подтвердил.

Здесь произошло следующий разговор. Вначале спокойно, вежливо он спросил:

— Скажите пожалуйста, вы видели Вячеслава Рудольфовича?

— Да, видел сегодня.

— В каком состоянии вы его нашли?

— В очень тяжелом состоянии.

После небольшой паузы Ягода говорит:

— Собственно говоря, на Меньжинского все махнули уже рукой.

Меня это несколько удивило. Дальше Ягода задает вопрос:

— Скажите пожалуйста, вы с Левиным разговаривали?

— Да, разговаривал.

— Так почему же вы... (Тут он вышел из границ обычной элементарной вежливости и передо мной предстал самый настоящий необузданный сатрап). Почему вы уминаете, а не действуете? Кто вас просит вмешиваться в чужие дела?

Тут я понял, что он участник какого-то дела, что он знает о том, что было 3—4 часа тому назад. Я спросил у Ягоды: «Что вы от меня хотите?». Ягода ответил: «Вы должны с доктором Левиным выработать такой метод лечения Меньжинского, чтобы он скорее закончил свою бесплезную и многим мешающую жизнь. Предупреждаю вас, что если вы возмущаете сопротивление, я смею с вами справиться». Вы от меня никогда не увидите...»

Я понял, что попал в жуткие тиски. В конце ноября я видел Левина. И вместе с ним был выработан метод, который заключался в следующем: прежде всего были использованы два основных свойства белка и белковых продуктов. Первое: продукты белкового распада — тирозины обладают овымством усиливать действие лекарственного вещества. Второе: лизаты поднимают чувствительность организма. Вот эти два свойства и были использованы.

В-третьих, были использованы особенности организма Меньжинского, комбинация бронхитальной астмы с грудной жабой. Если вы меня спросите, научно ли было Меньжинскому давать вещества симпатикотропные, то я должен сказать — да, если бы было только бронхитальная астма, но давать было нельзя, так как у него имелась грудная жаба.

И только невежественный человек мог допустить дачу препаратов мозгового слоя надпочечников при комбинации этих болезней.

Вышинский. Невежественный или же?

Казаков. Или же с заранее обдуманными целями.

Вышинский. С преступными целями?

Казаков. Да.

Вышинский. А может быть здесь налицо было и невежество и преступление?

Казаков. Нет, здесь было чистое преступление. Постепенно включались одни препараты и выключались другие. Поэтому я не знаю, могли ли сами эти препараты дать тот эффект, который они должны были дать. Надо было еще выключить ряд сердечных лекарственных веществ — дигиталис, адонис, строфант, которые заставляли сердце энергично работать. Введение этих лекарств проводилось в таком порядке: давались лизаты, потом был перерыв в лечении лизатами, затем давались сердечные лекарства. В результате такого «лечения» наступила огромная слабость, и Меньжинский скончался с 9 на 10 мая.

Я знаю, вы меня спросите — почему я не сообщил об этом преступлении советским органам. Ягода держал меня под сугубым наблюдением. Это я знал, это я чувствовал.

Вы меня спросите, вероятно, какие же мотивы объясняют мое молчание? Я должен сказать — мотивы низменного страха. Ягода занимал высокий пост. И второй момент: в Санчасти находилось большинство врачей моих научных противников. Я думаю, что, может быть, наступил момент: в Санчасти находилось большинство врачей моих научных противников. Я думаю, что, может быть, наступил момент, когда я смею свободно работать, может быть, Ягода смеет остановить их.

Вышинский. В награду за ваше преступление?

Казаков. Да.

Вышинский. Вы говорите, что у вас были соображения чисто карьеристского порядка. Против вас была настроена медицинская наука и вы рассчитывали устранить ваших противников?

Казаков. То-есть нейтрализовать и дать мне свободно работать или же сдерживать их.

Вышинский. И вы тогда будете вести научную работу?

Казаков. То-есть я буду свободно работать.

Вышинский. А до сих пор работали вы свободно в нашей стране?

Казаков. В тот период я с большим удовольствием работал.

Вышинский. Это ваше личное переживание, потому что оспаривалось значение вашей научной работы.

Но я спрашиваю, государство обеспечило все возможности вашей научной работы?

Казаков. Государство мне обеспечило полностью, но орела...

Вышинский. Погодите. Советским государством был дан вам Институт?

Казаков. Да.

Вышинский. Большой или маленький?

Казаков. Лучший институт в Союзе.

Вышинский. Средства были даны?

Казаков. Да.

Вышинский. Какие орелства?

Казаков. Большие.

Вышинский. Большие, гигантские. Как же вы осмелитесь говорить то, что вы сейчас сказали? Вы и здесь думаете клеветать. Продолжайте ваши обвинения.

Казаков. Суд для меня является сейчас тем моментом, когда я могу честно рассказать о всем случившемся и, прежде всего, внутренне освободиться от сознания совершенного преступления.

Вышинский. Скажите пожалуйста вашу формулу номер два, при помощи которой вы погубили Меньжинского? Вот этот лизат печени.

Казаков. Лизат печени необходим при бронхитальной астме, при грудной жабе...

Вышинский. Лизат питательной железы?

Казаков. Необходим при бронхитальной астме и противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат податка мозга?

Казаков. Противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат мозгового слоя надпочечников?

Казаков. Противопоказан.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты в каких целях?

Казаков. В преступных целях.

Вышинский. В целях убийства?

Казаков. Да, да.

Вышинский. Кто контролировал ваши действия?

Казаков. Никто не контролировал.

Вышинский. Я прошу экспертизу ответить на вопрос, был ли какой-нибудь контроль за лизатами Казакова или он мог дать тут все, что хотел? Я прошу экспертизу ответить и на вопрос, сыграла ли роль эти три лизата в преступном отравлении Меньжинского?

Председательствующий Ульрих. У записи есть вопросы?

Защитник Коммодов. При вашем свидетельстве Ягода в ноябре 1933 г. он подтверждал определенный метод лечения или определенных результатов?

Казаков. Он требовал такого метода лечения, который ускорил бы смерть Меньжинского.

Защитник Коммодов. Как вы поняли, что нужно было Ягоде?

Казаков. Ягоде нужно было скорее освободиться от Меньжинского.

Защитник Коммодов. Скорейшая смерть Меньжинского? И вы дали согласие действовать именно в этом направлении?

Казаков. Да.

Защитник Коммодов. Как скоро наступила смерть Меньжинского после разговора с Ягодой?

Казаков. Через шесть месяцев. Этот разговор был 6 ноября 1933 года, а смерть наступила 10 мая 1934 года.

Вышинский (к Казакову). На вопрос защитника тов. Коммодова вы сказали, что Ягода было безразлично, как вы «лечите» Меньжинского, ему нужен был только результат, т. е. смерть?

Казаков. Ягода за мной следил через Левина.

Вышинский. Левин контролировал ваши лизаты?

Казаков. Нет, он не контролировал, а устанавливал состояние здоровья Меньжинского и отсюда он контролировал реализацию нашего преступного плана.

Вышинский (к суду). Позвольте спросить подсудимого Левина по этому вопросу.

Левин. Я не мог контролировать лизаты, потому что я никогда не верил в метод лечения Казакова.

Вышинский. Почему вы не верили в этот метод, вы считали, что это шарлатанство?

Левин. Я считал это авантюризмом. Никто не знал, как Казаков приготавливал лизаты.

Вышинский. Контролировать их можно было?

Левин. Очень трудно. Он приезжал всегда со своим чемоданчиком и там были какие-то ампулы.

Вышинский. А если бы он хотел изготовить их плохо?

Левин. Он имел к тому все возможности.

Вышинский. Подсудимый Казаков, и спрашиваю вас, могли ли вы Ягоду провести в этом деле, т. е. представить дело так — делая все, чтобы умертвить, но не выходя, организм жизнеспособный, бороться? Такая постановка вопроса, возможна или нет? (Казаков молчит).

Или вы хотели того же результата, которого хотел и Ягода, потому что рассчитывали, что может быть ваш Ягода тоже потом пригодится в борьбе за вашу так называемую научную карьеру? Вы понимаете мой вопрос?

(Казаков молчит).

Вышинский. Если вы поставили вопрос личного вашего благополучия выше жизни руководителей нашей партии и правительства, выше интересов советского государства, если вы так низко пали, то не могли ли вы найти последнее убежище в том, что бы провести Ягоду — сказать: я делаю, стараясь, чтобы был смертельный результат, но не выходит это? Могли вы или не могли?

Казаков. Мог бы. Я должен сейчас сказать, что эти три лизата являются противобактериальными при грудной жабе, но если мы сейчас выберем любого больного с грудной жабой и введем эти три лизата, то они не вызовут смерти. Даже административная.

Вышинский. Значит, что выходит?

Казаков. Значит, выходит, что я рассчитывал, но я не убит.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты для чего? Для того, чтобы убить Меньжинского?

Казаков. (Молчит).

Вышинский. Вы вводили лизаты с этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступлениям?

Казаков. Видите ли, лизаты имеют двойное действие...

Вышинский. Это мы знаем, какое действие ваши лизаты могут иметь. Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата были безвредны для Меньжинского?

Казаков. Да, эти три лизата были безвредны.

Вышинский. А могли ли вы провести Ягоду?

Казаков. (Молчит).

Вышинский. Ввиду невозможности получить прямой ответ на этот ясный вопрос, я прошу суд прервать заседание и дать возможность экспертизе ответить на вопрос, поставленный мною Казакову.

Председательствующий Ульрих (к экспертам). Можете вы сейчас ответить?

Эксперты. Нет, мы просим после перерыва.

Председательствующий. Объявляется перерыв на полчаса.

Председательствующий Ульрих. (После перерыва). Экспертиза может дать заключение по дополнительным вопросам Прокурора?

Эксперт проф. Бурмин. Да, она готова (зачитывает).

Председательствующий Ульрих. Расскажите о вашей антисоветской деятельности.

Максимов-Диковский. Моё сближение с правыми относится к 1928 году в бытность мою слушателем института Красной Профессуры. В институте я близко познакомился с аппаратником Гайстером, который тогда был уже правым.

С начала 1929 года я также уже стоял на позициях правых, вступил на антипартийный и контрреволюционный путь.

Следуя тактике центра правых, я не только никогда не выступал против политики партии, но даже старался не сближаться с теми правыми, которые уже успели оксметризовать себя. Как и все правые, я маскировался и дуршил.

В последующие годы, в 1930, 1931 годах, мои связи с правыми усилились. Я знал через Гайстера о том, что тройка — Рыков, Бухарин и Томский — усиливает свою борьбу с партией, что в ряде областей РОФОР и национальных республик они создали свои подпольные нелегальные организации. В конце 1931 года в одну из встреч с Гайстером он упрямил меня в пассивности. Когда Гайстер узнал, что я кончаю институт, он сказал мне, как бы я отнесся к тому, если бы он рекомендовал меня на довольно ответственную работу в секретариат Куйбышева. Я не отказался.

В начале 1932 года я был вызван к Куйбышеву и через некоторое время приступил к работе.

На протяжении 1932 года связь с правыми усиливалась. Я познакомился через Гайстера с другими правыми — Розенталем и Кравалем. Я познакомился со Смирновым — работником Госплана, с Дойчем и т. д. Затем Гайстер связал меня с Енукидзе.

От Енукидзе я узнал, что правые стоят за свержение существующего руководства для того, чтобы изменить политику, направить развитие страны по пути реставрации капитализма.

В середине 1934 года, примерно, в конце августа, Енукидзе позвонил мне однажды и вызвал к себе для разговора, который имел для меня в дальнейшем наиболее серьезные последствия. Во время этого разговора Енукидзе сказал мне: если раньше правые рассчитывали на то, что удастся свергнуть Советскую власть при помощи организации отдельных наиболее антисоветски настроенных слоев и, в частности, кулачества, то сейчас положение изменилось. «Ставка на это бита» и необходимо перейти к более активным методам захвата власти. Эти наиболее активные методы он мне тут же расшифровал: центр правых, в согласии с троцкистами, принял решение о необходимости учинить ряд террористических актов против членов Политбюро. Это должно быть достигнуто методом подкупа здоровья вождей.

Вы, говорит он, должны принять участие в террористическом акте против Куйбышева; подготовка к этому уже начата. Врачи Левин и Пятнев сумеют сделать свое дело. От вас требуется, во-первых, дать им возможность не мешать тому, чтобы они часто посещали больного, чтобы не срывались их так называемые визиты к больному; и второе — в случае острого заболевания, припадков каких-нибудь, не торопиться с вызовом врача, а если нужно, то вызывать только тех врачей, которых его лечат.

Тут же он сказал, что нашим участником является Ягода и что он имеет возможность в любом нашем стороннике, становящемуся председателем, принять

*) Сокращенная стенограмма.

Ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем

Вопрос: Был ли какой-либо контроль и мог ли быть этот контроль при приговорах лизатов И. Н. Казаковым?

Ответ: Никакого контроля не было и быть не могло, ибо в то время (в 1933 и первой половине 1934 года — время лечения Казаковым покойного товарища Меньжинского) метод приготовления лизатов был Казаковым абсолютно засекречен.

Вопрос: Сыграло ли решающую роль применение Казаковым лизатов питательной железы, податка мозга и мозгового слоя надпочечников в ухудшении состояния здоровья товарища В. Р. Меньжинского?

Ответ: Применение указанных выше лизатов (питательной железы, податка мозга и мозгового слоя надпочечников) при тяжелом сердечном заболевании, которым страдал покойный В. Р. Меньжинский, было недопустимо и этого же мог не знать И. Н. Казаков.

Вредные действия этих лизатов в данном

Вышинский. Я прошу разрешения огласить показания подсудимого Казакова, имеющиеся в т. № 19 на листах 68 и 69, где он изложил содержание формулы номер 2 и показал следующее: «Поскольку в эту формулу входили уже три симпатикотропных лизата — лизат питательной железы, мозгового слоя надпочечников и податка мозга, причем при повышенной дозе приема внутрь процесс ослабления и истощения запасных сил большого сердца

Меньжинского, вследствие усиленной работы, вызванной комбинацией лизатов и сердечных лекарств, начал резко нарастать, в ночь с 9 на 10 мая Меньжинский скончался при явлениях удара сердечной деятельности».

Подсудимый Казаков, вы и сейчас согласны с тем показанием, которое вами было дано раньше?

Казаков. Согласен и подтверждаю полностью.

дом конкретном случае усугублялся тем обстоятельством, что В. Р. Меньжинскому в течение длительного времени одновременно применялись препараты наперстянки, действие которых под влиянием лизатов безусловно усиливалось.

Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы большого В. Р. Меньжинского и тем самым к усугублению наступления его смерти.

ЭКСПЕРТЫ:

Заслуженный деятель науки — профессор Д. А. Бурмин.

Заслужа, деятель науки — профессор Н. А. Шерешевский.

Профессор В. Н. Виноградов.

Профессор Д. М. Российский.

Доктор медицинск. наук — В. Д. Зипалов.

9 марта 1938 г., г. Москва.

Меньжинского, вследствие усиленной работы, вызванной комбинацией лизатов и сердечных лекарств, начал резко нарастать, в ночь с 9 на 10 мая Меньжинский скончался при явлениях удара сердечной деятельности».

Подсудимый Казаков, вы и сейчас согласны с тем показанием, которое вами было дано раньше?

Казаков. Согласен и подтверждаю полностью.

Допрос подсудимого Максимов-Диковского*)

Председательствующий Ульрих. Расскажите о вашей антисоветской деятельности.

Максимов-Диковский. Моё сближение с правыми относится к 1928 году в бытность мою слушателем института Красной Профессуры. В институте я близко познакомился с аппаратником Гайстером, который тогда был уже правым.

С начала 1929 года я также уже стоял на позициях правых, вступил на антипартийный и контрреволюционный путь.

Следуя тактике центра правых, я не только никогда не выступал против политики партии, но даже старался не сближаться с теми правыми, которые уже успели оксметризовать себя. Как и все правые, я маскировался и дуршил.

В последующие годы, в 1930, 1931 годах, мои связи с правыми усилились. Я знал через Гайстера о том, что тройка — Рыков, Бухарин и Томский — усиливает свою борьбу с партией, что в ряде областей РОФОР и национальных республик они создали свои подпольные нелегальные организации. В конце 1931 года в одну из встреч с Гайстером он упрямил меня в пассивности. Когда Гайстер узнал, что я кончаю институт, он сказал мне, как бы я отнесся к тому, если бы он рекомендовал меня на довольно ответственную работу в секретариат Куйбышева. Я не отказался.

В начале 1932 года я был вызван к Куйбышеву и через некоторое время приступил к работе.

На протяжении 1932 года связь с правыми усиливалась. Я познакомился через Гайстера с другими правыми — Розенталем и Кравалем. Я познакомился со Смирновым — работником Госплана, с Дойчем и т. д. Затем Гайстер связал меня с Енукидзе.

От Енукидзе я узнал, что правые стоят за свержение существующего руководства для того, чтобы изменить политику, направить развитие страны по пути реставрации капитализма.

В середине 1934 года, примерно, в конце августа, Енукидзе позвонил мне однажды и вызвал к себе для разговора, который имел для меня в дальнейшем наиболее серьезные последствия. Во время этого разговора Енукидзе сказал мне: если раньше правые рассчитывали на то, что удастся свергнуть Советскую власть при помощи организации отдельных наиболее антисоветски настроенных слоев и, в частности, кулачества, то сейчас положение изменилось. «Ставка на это бита» и необходимо перейти к более активным методам захвата власти. Эти наиболее активные методы он мне тут же расшифровал: центр правых, в согласии с троцкистами, принял решение о необходимости учинить ряд террористических актов против членов Политбюро. Это должно